

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том № 268

ноябрь

1999

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант — 1561-7793; электронный вариант — 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного Центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЗОРЫ

- Зиновьев В.П.** Исследования по истории Сибири в Томском государственном университете
в конце 1980-х – 1990-е гг. 4

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

- Сагалаев А.М.** Архаичное миропонимание и современный менталитет России
(к постановке проблемы) 9
- Казаркин А.П.** Идеи областничества и евразийства в литературе Сибири 11
- Кулемзин В.М.** Традиционные культуры Сибири: народное сознание и рыночные отношения 13
- Жеравина А.Н.** П.И.Макушин и «Детский сад по методу Фребеля» в Томске 14
- Малолетко А.А.** Казаки в истории Кольваново-воскресенского
(Алтайского) горного округа (1726–1917 гг.) 19
- Есипова В.А., Климкин В.М., Чернявская Ю.О.** Бумага как исторический источник:
некоторые перспективы изучения 22

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

- Завещание и смерть Н.М.Ядринцева.** Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 26
- Письма А.В. Лаврской (Потаниной) Н.М. Ядринцеву (1873–1874 гг.).**
Публикация и научный комментарий Серебренникова Н.В. 31

ФИЛОЛОГИЯ

Литературоведение

- Поплавская И.А.** Мотив покоя в раннем творчестве В.А. Жуковского 34
- Яиушкевич А.С.** К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Из статей в «Онегинскую энциклопедию» 37
- Седельникова О.В.** Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского 45
- Казак А.А.** Архетип смерти в структуре «финальной гармонии» Ф.М. Достоевского 54
- Реморова Н.Б.** Кедрин и Ходасевич. «Стагьи о русской поэзии» В. Ходасевича
в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) 58
- Рыбальченко Т.Л.** История литературы XX века как история литературных течений 68
- Антошина Е.В.** Ранняя проза В. Набокова в контексте христианской философии искусства 73
- Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому.** Публикация, научный комментарий
и примечания Реморовой Н.Б. 76

Языкознание

- Резанова З.И.** Язык и человек: субъектно-объектные отношения (варианты интерпретации
в европейской культурной традиции) 86
- Иванцова Е.В., Волкова Т.Ф.** Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности 89
- Блинова О.И.** О чем звонят колокола? (стилистические этюды) 94
- «... я, может быть, стал более строго отбирать слова и потому достиг некоторого совершенства»**
(к 100-летию со дня рождения М.В. Исаковского) 96

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Петров Ю.В.** Философия как философия культуры 98
- Видгоф В.М.** Эстетическая реальность как предмет философской рефлексии 101
- Доманский В.А.** Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы 106
- Барнашова Е.В.** Взаимосвязь натуралистических и эстетствующих тенденций
в европейской художественной культуре XIX века 110

ПСИХОЛОГИЯ

- Кабрин В.И.** Транскомуникативная холодинамика психологического универсума личности
(«Стресс – Транс – Формация») 115
- Рождественская Е.А.** Особенности проявления тревожности и ригидности
в актуальном состоянии преподавателей, переживающих коммуникативный стресс 120

ИСТОРИЯ ТГУ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

- Разумов О.Н.** Александр Михайлович Сибиряков – предприниматель, меценат, исследователь
(к 150-летию со дня рождения) 123

Могильницкий Б.Г. Из истории становления исторического образования в ТГУ: А.И. Данилов – создатель Томской историографической школы	126
Галкина Т.В., Топчий А.Т. Первый этнограф Томского университета	133
Кабрин В.И. Факультет психологии ТГУ	137
Петров Ю.В. Культура как самоосуществление духа (к пятилетию открытия культурологического факультета)	140
Гураль С.К. Факультету иностранных языков – 5 лет	144

КОНФЕРЕНЦИИ. СИМПОЗИУМЫ

Международный симпозиум «Психологический универсум образования человека ноэтического» (г. Томск, 27–29 сентября 1998 г.)	148
Клюевская конференция в Томске (16–18 сентября 1999 г.)	150
Девятая конференция «Проблемы метода и жанра» (г. Томск, 8–10 декабря 1998 г.)	152
Семинарий библиотеки Конгресса США в Томске (ноябрь 1998 г.)	154

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Вершинский словарь	155
Пойзнер Б.Н. Наследие РАХН – университет для гуманитариев университета	156

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ

Можаева Г.В., Вымятнин В.М. Дистанционное обучение в преподавании истории: проблемы и перспективы	158
Абакумова Н.Н., Комаровская Л.В. Опыт формирования учебных программ на основе комплексного компьютерного тестирования школьников	161

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Михалева Л.В. Педагогическая эффективность реализации дидактических принципов обучения в учебном процессе в ВУЗе	167
Обдалова О.А. Особенности урока иностранного языка в ВУЗе как сферы воздействия иной культуры	169

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Наши юбиляры

Черкасова О.Г. (с. 172), Петров Ю.В. (с. 173), Сотников В.В. (с. 175), Симахина Л.Ф. (с. 176), Захарова Л.А. (177), Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю. Учитель, который учит букве, а укрепляет дух	178
Голишева Л.А. (с. 184), Янушкевич А.С. (с. 186), Баронас А.П. (с. 187), Дунаева Н.Л. (с. 187), Бурова Т.Т. (с. 188)	

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	189
-----------------------------------	-----

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	192
---	-----

CONTENTS

REVIEWS

V.P. Zinovyev Study of the history of Sideria of Tomsk State University end of 1980s – 1990s	4
--	---

HISTORY. COUNTRY STUDI

A.M. Sagalaev. Archaic world outlook and modern mentality of Russia	9
A.P. Kazarkin. Regional and euroasian ideasin the literature of Siberia	11
V.M. Kulemzin. Traditional cultures of Siberia: peopl's consiousness and market relationships	13
A.N. Zheravina. P.I. Makushin and «kindergarten by Frebel method» in Tomsk	14
A.A.Maloletko. Cossacs in history of the Kolyvano-voskresensk (Altai) mountain region (1726–1917)	19
V.A. Esipova, V.M. Klimkin, Y.O. Tschernjavskaja. Paper as a historical source: some perspectives of studying	22

POTANIN'S READINGS

WILL AND DEATH OF N.M. JADRINSEV. Publication and scientific commentaries by N.V. Serebrennikov	26
THE LETTERS OF A.V. LAVRSKAYA (POTANINA) N.M. JADRINTSEV (1873–1874). Publication and scietific commentaries by N.V. Serebrennikov	31

PHYLOLOGY

Literary criticism

I.A. Poplavskaya. The motiveof rest in the early works of V.A. Zhukovsky	34
A.S. Yanushkevich. To the 200th anniversary from the birst of A.S. Pushkin From the articles in «Onegin-encyclopaedia»	37
O.V. Sedelnikova. About the forming of Dostoevskiy pochvenichestvo	45
A.A. Kazakov. The archetype of the death in the structure «the final harmony» by Dostoevsky	54
N.B. Remorova. Kedrin and H0dasevich. «Articles about russian poetuy» of V. Hodasevich in the reading andperception of Dm. Kedrin (on the materials of kedrin's library)	58
T.L. Ribalchenko. The history of literature in the XXth century as the history of literany trends	68
E.V. Antoshina. Early prose of V. Nabokov in the context of christian art philosophy	73
LETTERS OF F.P. LITKE TO V.A. ZHUKOVSKY. Pablication, scientific comment and notes belong to N.B. Remorova	76

LINGUISTICS

Z.I. Rezanova. Language and man: subject-object relation	86
E.V. Ivantsova, T.F. Volkova. The reflection of the linguistic picture of the world in the compare suite of the dialectic personality	89
O.I. Blinova. What do the bells ring about? (stylistic essays)	94
«...may have begun to select words more carefully, that is why have reached some perfection» (the 100-th anniversary since the birth M.V. Isakovsky)	96

CULTURE STUDY

Yu. V. Petrov. Philosophy as philosophy of culture	98
V.M. Vidgoff. Esthetic reality as a subject of philosophical reflexing	101
V.A. Domansky. Dialogue of cultures and dialogue in the culture of studying literature	106
E.V. Barnashova. A cjrrektion of naturalistic and aesthetic tendencies in european art cultura in the XIX anturu	110

PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin The Psychological personality's universum transcommunicative holodynamics («Sress-Trance-Formation»)	115
E.A. Rozhdestvenskaya. The peculiarities of the teachers anxiety and rigity manifestation in the actual state of the communicative stress	120

THE HISTORY OF THE TSU AND HIGHER EDUCATION IN SIBERIA

O.N. Rasumov. Aleksander Michaylovich Sibiryakov – a manufacturer, mecenate, investigator (the 150-th anniversary since his birth)	123
B. G. Mogilnizky. From the history of historical education coming into existence at Tomsk State University: A.I. Danilov – founder of Tomsk historiographic school	126
A.T. Topchij, T.V. Galkina. The first ethnographer of Tomsk State Universiti	133
V.I. Kabrin. The psychology department of the TSU	137
Yu.V. Petrov. Culture as self-vealization of spirit (by the fifth anniversary of the opening of the culturological faculty)	140
S.K. Gural. Faculty of foreign languages – 5 years	144

CONFERENCES. SIMPOSIA

International symposium «Psychological universum of noetic person's education» (Tomsk 1998, september, 27–29)	148
Klujev's conference in Tomsk (1999, september, 16–18)	150
Ninth conference on «Problems of method and ganre» (Tomsk 1998, december, 8–10)	152
The semenary of the USA Congrtrss Librart in Tomsk (1998, november)	154

REVIEWS. CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

Vershin's dictionary	155
B.N. Poyzner. RAKhN Itgaky as university for university lectures of the humanities univtrsty	156

CURRENT TECHNOLOGITS AND METHODS

G.V. Mozhaeva, V.M. Vymyatnin. Distant learning in history training: problems and prospekts	158
N.N. Abakumova, L.V. Komarovskaya. The experience of educational programs development on the basis of the complex computer testing of pupils	161

PROBLEMS OF UNIVERSITY EDUCATION

L. V. Mikhaliyeva. Pedagogical effectiveness of the didactic principles realization in high school educational process	167
O.A. Obdalova. Peculiarities of foreign language teaching in high school as a sphere of another culture influence	169

MEMOIRS. MEMORY DATES. PERSONALITIES

Our jubilants

O.G. Cherkasova (p. 172), Yu.V. Petrov (p. 173), V.V. Sotnikov (p. 175), I.F. Simachina (p. 176), L.A. Zacharova (p. 177), L.N. Hmylev, I.Yu. Nicholaeva. A teacher who teaches letters but strengthens spirit	178
L.A. Golisheva (p. 184), A.S. Yanushkevich (p. 186), A.P. Baronas (p. 187), Dunaeva N.L. (p. 187), Burova T.T. (p. 188)	

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	189
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	192
---	-----

ватель, «тексты порождаются не столько <...> существующими системами художественных языков, сколько реально предсуществующими текстами» [11]. Одна из основных функций мотива покоя в творчестве Жуковского предполагает воссоединение человека в акте твор-

ческого созерцания с его внутренним «я», с природой, Родиной, национальной культурой, с мирозданием, с Богом. Эта функция во многом объясняет своеобразие жанрово-стилевых поисков поэта, особенности его художественного метода, этапы творческой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об этом см.: *Котельников В. А.* «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // *Русская литература*. 1994. № 1. С. 3–41.
2. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. В 12 т. / Под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 1.
3. *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 64.
4. *Топоров В. Н.* Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса) Wien, 1992. С. 26.
5. Цит. по кн.: *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985.
6. Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1985.
7. *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступ. статья Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М., 1985. С. 177.
8. Цит. по кн.: *Веселовский А. Н.*, В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Петроград, 1918. С. 146.
9. *Полевой Н. А.*, *Полевой Кс. А.* Литературная критика. Статьи и рецензии 1825–1842. Л., 1990. С. 213.
10. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина / Вступ. статья и примеч. К. Тюнькина. М., 1985. С. 114.
11. *Шатин Ю. В.* Мотив и контекст // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1994. С. 7.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 10 января 1999 года.

УДК 82.08: 82.015, 82.08:159.9

А. С. Янушкевич

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА. Из статей в «Онегинскую энциклопедию»

Даются статьи «Онегинской энциклопедии», подготовленные к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. В каждой статье представлены комментарии к общекультурным и литературным реалиям пушкинского романа.

Хрестоматийное определение В. Г. Белинского, назвавшего пушкинский роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни», было ориентиром для всех последующих критиков и литературоведов. «... уже самое количество бытовых тем и материалов принципиально отличает пушкинский роман от предшествующей литературы. В «Евгении Онегине» перед читателем проходит серия бытовых явлений, нравоописательных деталей, вещей, одежд, цветов, обычаев...», – так конкретизировал этот тезис критика внимательный и чуткий читатель и исследователь романа [1. С. 140]. Разумеется, и для критика XIX в., и для исследователя XX в. энциклопедизм романа не сводился к максимальному полному изображению бытовой и социальной жизни России, чего требовал от пушкинского произведения Д. И. Писарев.

Уже Белинский конкретизировал свое представление о природе пушкинского романа, назвав его «актом сознания для русского общества». В этом смысле энциклопедизм «Евгения Онегина» – это воссоздание жизни русского общества 1820-х гг. во всех проявлениях его духовной жизни. И бытовой материал «истолкован Пушкиным иначе, чем его предшественниками. по-новому, реалистически, то есть в качестве типического, идейно обосновывающего человека и его судьбу» [1. С. 146].

Комментаторы романа (Н. Л. Бродский, В. В. Набоков, Ю. М. Лотман и др.) выявили многообразие реалий русской жизни, получившей отражение в пушкинском романе, и обозначили широкое культурологическое поле «Евгения Онегина». Само название статей, предвосхищающих реальный комментарий в книге Ю. М. Лотмана: «Хозяйство и имущественное положение», «Образование и служба дворян», «Интересы и занятия дворянской женщины», «Дворянское жилище и его окружение в городе и поместье», «День светского человека», «Развлечения», «Бал», «Дуэль», «Средство передвижения», «Дорога» [2], – определяет масштаб пушкинского романа как «романа культуры» и проясняет смысл авторского определения своего произведения как «собрания пестрых глав». Пушкинская «пестрота» – это органический синтез реалий, настроений, явлений литературной жизни и т. д., того, что можно назвать «духом времени».

Энциклопедическая природа романа, вызывающая в сознании читателя и исследователя вереницу откликов, отзвуков, ассоциаций с миром русского космоса (А. А. Ахматова образно назвала «Евгения Онегина» «воздушной громадой»), требует и новых подходов к его прочтению. По инициативе и под руководством заместителя директора по научной части Московского музея А. С. Пушкина, акад. Н. И. Михайловой была предпринята попытка создания «Онегинской энциклопедии», где по законам жанра мир пушкинского романа предстал в виде особых статей, посвященных той или иной реалии «Евгения Онегина». Предлагаемые словарные статьи дают представление о сути этого любопытного и беспрецедентного замысла.

Текст романа в статьях цитируется по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 6. М. – Л., 1937 – с указанием в скобках главы – римской, строфы и стихов – арабской цифрами. Название романа «Евгений Онегин» обозначается аббревиатурой ЕО, «Путешествие Онегина» – ПО; Ж1, Ж2 – критические статьи Пушкина, в 11 и 12 тт. указанного ПСС с указанием страницы и строки; Пс – письма с указанием тома и порядкового номера.

Лит.: 1. *Жуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля, 1957. 2. *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983.

ЖУКОВСКИЙ. В крупных лиро-эпических, этапных произведениях, предшествующих ЕО («Руслан и Людмила», «южные поэмы»); поэтическая традиция «побежденного учителя», соревнование с ним, элементы пародирования постоянны. Определенное значение для творческой истории трагедии «Борис Годунов» (первоначальное посвящение, замысел Жуковским драматической поэмы из времен «смутного времени» – см.: [1. С. 305–308]) также имела личность «первого русского романтика». Вряд ли стоит доказывать, что

творческая память Жуковского – важнейшая составная часть лирического наследия Пушкина. Послания Пушкина к Жуковскому, как и поэтическая надпись к его портрету, воссоздавали зримый образ «возвышенной души, «сладострастия высоких мыслей и стихов» поэта «для немногих», пророчили бессмертие его поэзии.

Отсутствие имени Жуковского в тексте романа, повествующего об эпохе, во многом связанной с поэтической славой «литературного Колумба Руси», кажется неожиданным. И это тем более странно, что на страницах ЕО

упоминаются Державин и Фонвизин, Княжнин и Озеров, Богданович и Шишков, Катенин и Шаховской, Чаадаев и Вяземский, Баратынский и Языков, т.е. практически все виднейшие представители русской общественно-литературной жизни конца XVIII – начала XIX в.

Правда, в черновой редакции 8-й главы возникала характеристика Жуковского, перекликающаяся со строками послания «К Жуковскому» 1816 г.:

И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал...

[2. Т. 6. С. 621]

В творческой лаборатории романа осталась и строфа, посвященная императрице Александре Федоровне, характеристика которой построена через сравнение с известной героиней лирики Жуковского – Лаллой Рук:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колесясь, входит Лалла Рук...

[2. Т. 6. С. 637]

Т.Г. Зенгер (Цявловская) высказала предположение о связи стихотворного наброска 1823 г.:

«Жуковский – святой
Парнаса чудотворец –
царедворец –
Крылов разбит параличом»

с текстом 2-й главы романа, описывающим мнение Онегина о современной литературе [3. С. 43–47].

Но все эти оценки и характеристики Жуковского и его поэзии в окончательный текст романа не вошли. Можно, конечно, высказывать на этот счет различные предположения, но такое последовательное устранение из текста прямых отсылок к образу Жуковского вряд ли можно считать случайным. По всей вероятности, для автора ЕО важнее простого упоминания имени первого русского романтика была поэтическая память о его творчестве, своеобразное растворение его мотивов, образов, мелодий в ткани произведения. В тексте романа действительно постоянно чувствуется голос Жуковского, возникает атмосфера его элегий, баллад, посланий, песен, поэм. Можно сказать, что поэтический миробраз Жуковского буквально разлит в «воздушную громаду» пушкинского романа.

Комментаторы и исследователи романа (Б.В. Томашевский, И.Р. Эйгес, Н.Л. Бродский, В.В. Виногра-

дов, И.М. Семенко, Ю.М. Лотман и др.) отметили десятки реминисценций, переключек, примеры общности мотивов, стиля, «поэтической фразеологии», «поэтического синтаксиса» двух поэтов.

Б.В. Томашевский заметил, что стих «Последний бедный лепт...» (IV; 45,9) – ироническая цитата из послания Жуковского «Императору Александру». И.М. Семенко возводит стих «Улыбка уст, движенье глаз» из «Письма Онегина к Татьяне» к стиху «улыбка уст, лица движенье» из элегии «Явление поэзии в виде Лалла Рук» [4. С. 140]. И. Эйгес рассматривал послания Жуковского «А.И. Тургеневу», «К кн. А.Ю. Оболенской», «К Филалету», стихотворение «Певец» как источники характеристики Ленского и описания его могилы [3. С. 193–216]. В.В. Виноградов выявил соотношение картин вечера в 7-й главе ЕО: «Был вечер. Небо меркло. Воды // Струились тихо. Жук жужжал...» с подобной картиной в «Сельском кладбище», где есть следующий стих: «Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает...» [5. С. 110–111]. Впрочем, это сходство отмечала уже и прижизненная критика, о чем свидетельствует пушкинский ответ на критику в «Северной пчеле».

Н.Л. Бродский указал, что «форма прощания Татьяны с природой могла быть подкреплена в поэтической памяти Пушкина известным монологом Жанны д'Арк в переводе Жуковского (1823): «Простите вы, поля, холмы родные...» [6. С. 154].

Ю.М. Лотман при комментировании слов в скобках – «(как говорится, *машинально*)» (IV; 17.6) – сделал отсылку к словам из письма Жуковского к А.И. Тургеневу от 27 ноября 1820 г., тоже, кстати, заключенным в скобки: «к которому до сих пор ты был привязан машинально, без наслаждения» [7. С. 237], а стих: «Я наслаждался... и вполне» справедливо соотнес со следующими строками из стихотворения Жуковского «Лалла Рук»: «Я тобою наслаждался // На минуту, но вполне» [7. С. 309].

А. Россина говорит, что сама «речевая сфера» Ленского построена как пересказ элегий и песен Жуковского и приводит убедительные примеры переключек элегии Ленского и стихотворений «Мечты», «К Нине», «Певец», «Вечер» [8. С. 44–45].

Особенно богатый материал для такого сравнения дают баллады «Ахилл» и «Громобой», послание «К Филалету», «К Блудову», элегия «Опустевшая деревня», стихотворение «Я музу юную, бывало...». Укажем на некоторые переключки, уже замеченные исследователями или оставшиеся без внимания:

ЕО		Жуковский
Брожу над морем, жду погоды. Маню ветрила кораблей (I; 50.3–4).	В смиренном уголке живет И у моря погоды ждет (К Воейкову. 1814).	Не белеет ли ветрило, Не плывут ли корабли? (Ахилл. 1814).
Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она... (VI; 21. 9–10).	Близок час мой; роковая Приготовлена стрела <...> Я паду в весне моей... (Ахилл 1814).	И мимо пролетит Стрела ужасной Гелы. (К Блудову. 1810).
Блеснет завтра луч денницы И заиграет яркий день; А я, быть может, я гробницы Сойду в таинственную сень, И память юного поэта Поглотит медленная Лета Забудет мир меня... (VI; 22. 1–7).	Увы! завтра в красоте Опять сей день проснется! Но мы... уж скрылись от земли; Уже нас гроб снедает; И место, где поднесь цвели, Нас боле не признает... (Громобой. 1810).	

К стихам «Куда, куда вы удалились // Весны моей златые дни?» из элегии Ленского можно подобрать несколько соответствий в лирике Жуковского. Вот лишь некоторые из них: «О, дней моих весна златая, // Постой... тебе возврата нет...» (Мечты. 1812); «О счастье дней моих! Куда, куда

стремишься?» (Отрывок. 1806); «О, дней моих весна, как быстро скрылась ты...» (Вечер. 1806); «Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад // О, время прежнее, о, время незабвенно?» (К Филалету. 1806); «Прошли, навек прошли твои златые дни!» (Опустевшая деревня. 1805) и т.д.

Систематизация всех этих и других параллелей приводит к двум выводам. Во-первых, их фронтальное наличие во всем тексте пушкинского романа, от первой до последней главы. Во-вторых, внимание автора ЕО ко всем жанрам поэзии Жуковского – от элегий, песен, баллад, посланий до эстетических манифестов и лиро-эпоса. Вероятно, полная роспись подобных соответствий позволила бы отчетливо увидеть, что «у Пушкина образы Жуковского зачастую выступают в роли неких «первозлементов», подвергающихся переосмыслению», «то, что у Жуковского являлось некоей художественной «целью», основным «предметом», – у Пушкина лишь средство, элемент иного целого» [4. С. 145].

В мире романа ЕО отзвуки поэзии Жуковского – отражение нового поэтического стиля эпохи, дань благодарности одному из творцов этого мышления, расширившего сам словарь русской поэзии.

Все исследователи, так или иначе обращавшиеся к теме «Жуковский в романе ЕО», прежде всего говорили об «ощутительном» участии поэзии Жуковского в создании образов Ленского и Татьяны. Нельзя не признать справедливость этих утверждений и не подчеркнуть, что уже один этот факт – свидетельство самого активного обращения Пушкина к поэтическому опыту Жуковского. Любимые герои автора ЕО говорят и живут с оглядкой на модели поведения и речи самого Жуковского и его героев.

Философско-психологическая реконструкция образа Ленского, его поэзии с ориентацией на эти модели естественно подводит к мысли о Жуковском как одном из прототипов Ленского, что нередко доказывали исследователи. Вот лишь одно утверждение подобного рода: «У Ленского <...> особенная девственная чистота души, и младенческая ясность и нетронутость, подернутая лишь зыбью каких-то неуловимых романтических стремлений, поэтическая туманность, поэтическая прелесть – все то, что и сам Жуковский постоянно выдвигал во всякого рода самопризнаниях и что он вообще более всего любил в поэзии»; «в своей характеристике Ленского <...> Пушкин не раз по существу сближает его с поэтической личностью Жуковского» [3. С. 206]. Правда, И. Эйгес, как и многие его предшественники и последователи, соотносит Ленского еще и с Кюхельбекером. Вряд ли подобного рода заявления соответствуют истине. Во всяком случае, реальный образ Жуковского (даже с корректировкой образом Кюхельбекера) имеет мало общего с пушкинским героем. Другое дело – поэзия Жуковского, ее элегический стиль.

Пушкин через судьбу своего героя попытался воссоздать модель поведения и тип творчества романтического поэта. И в этом отношении Жуковский и его произведения стали для него своеобразным учебником жизни и поэзии. насыщая биографию Ленского реалиями романтического сознания, реконструируя его поэзию по образцам романтической элегии, автор ЕО обобщал живой поэтический опыт, во многом соотносимый с Жуковским.

Образ «Германии туманной» как родины романтизма; «нечто, и туманна даль» как элегические штампы; чтение накануне дуэли при свечке Шиллера; предсмертная элегия; описание могилы Ленского – все это не просто восходит к миру творчества Жуковского, но и является своеобразной сюитой по мотивам его отдельных произведений. Достаточно с этой точки зрения посмотреть на переводы Жуковского из Шиллера («Мечты», «Путешественник», «Желание», «Жалоба»), чтобы понять ориентацию поведения Ленского на шиллеровское Жуковского. Герой Пушкина словно читает Шиллера в переводах Жуковского, он и живет с оглядкой на эту литературную модель поведения.

Показательно внедрение мотивов и образов поэзии Жуковского в поэтическую структуру образа Татьяны. Не случаен эпиграф из баллады Жуковского «Светлана»: «О, не знай сих страшных снов // Ты, моя Светлана!» к пятой главе романа Пушкина. В черновом автографе эпиграф к этой главе был тоже из «Светланы», только более пространный: «Тускло светится луна // В сумраке тумана // Молчалива и грустна // Милая Светлана...» и т.д. (2. Т. 6. С. 602). Если первоначально Пушкин обращается к прологу баллады, как бы фиксируя эпиграфом общую атмосферу последующего действия, то в окончательном тексте эпиграф взят из эпилога и несет некую оценку ситуации, ее эмоциональное восприятие. С учетом арзамасской семантики прозвища Жуковского – «Светлана», которое было во многом символическим, нельзя не заметить, что насыщение текста ЕО этим именем есть уже своеобразная «память сердца».

Параллель Светлана – Татьяна полисемантична. «Двойничество» героинь «раскрывало не только параллелизм их народности, но и глубокое отличие в трактовке образов: одного, ориентированного на романтическую фантастику и игру, другого – на бытовую и психологическую реальность» [7. С. 257–258]. Очевидно, что оно излучало свет особого отношения к героине. Как для Жуковского существовало понятие «моя Светлана», так и Пушкин уже через эпиграф проецирует это определение-отношение на свою героиню. Появляется «моя Татьяна». Через «память жанра» (а следы балладного сюжета «Светланы» ощутимы во всей структуре пятой главы, особенно зримо выступая в сцене гадания и сна Татьяны) Пушкин добивается психологической напряженности действия. Важно и то, что через сравнение Светланы и Татьяны в текст романа входит предчувствие драматических событий, возникает грозная тема судьбы, рока. Состояние смятенья, столь характерное для балладных героев Жуковского (ср. у Жуковского: «бледен, трепетен, смятенный»; «в смятении», «но для души смятенной был сладок бури вой» и т.д. – у Пушкина: «В смятенье Таня торопилась...», «Конечно, не один Евгений // Смятенье Тани видеть мог...»), определяет поведение и психологию пушкинской героини.

Исследователи уже давно заметили переключку мотолога Татьяны из 7-й главы «Простите, мирные долины...» с монологом Иоанны д'Арк из перевода Жуковским «Орлеанской девы» Шиллера: «Простите вы, поля, холмы родные...». Думается, эта переключка не просто знак «поэтической памяти» Пушкина. Само определение Татьяны «девой» безусловно было отзвуком этой памяти. Идея высшего Промысла (ср. Иоанна: «Так высшее назначило избранье...» – Татьяна: «То в высшем суждено совете...»), определившая судьбу героинь, характер самопожертвования (Иоанна: «Я той судьбе в молчанье покорилась...» – Татьяна: «<...> Но судьба моя // Уж решена...»), постоянная память о прошлой жизни и противопоставление ее нынешней (Иоанна: «Ах! счастлива; я с вами, я ваш голос // Опять услышала; он мне напомнил // Отечество, домашние луга <...> Хочу опять пастушкой быть смиренной» – Татьяна: «А мне, Онегин, пышность эта <...> Сейчас отдать я рада // Всю эту ветошь маскарада <...> За полку книг, за дикий сад, // За наше бедное жилище <...> Да за смиренное кладбище...» – VIII. 46.1–12) – все это придает образу пушкинской героини особый ореол и человеческий масштаб. Наконец, показательно исключение из окончательного текста романа сравнения великой княгини, будущей императрицы Александры Федоровны с героиней Жуковского – Лаллой Рук. Дело в том, что черты этой героини – символа естественности, нравственной чистоты – перешли к Татьяне. Ср.:

Жуковский.

И каждый звук ее речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд – все песня в ней.
(Явление поэзии в виде Лаллы Рук).

Все – и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной –
Все в ней было без искусства
Неописанной красотой!
(Лалла Рук).

Светлана, Иоанна д'Арк, Лалла Рук – любимые героини Жуковского, ставшие в русском сознании символами «русской души», самопожертвования, глубины чувств и нравственной чистоты (не случайно образ «Гения чистой красоты» из «Лаллы Рук» Жуковского органично перешел в пушкинское «Я помню чудное мгновенье»), вошли в текст пушкинского романа на правах поэтической памяти. Но перекличка их образов с пушкинской Татьяной определила объемность ее характера, его новые качества. Героини Жуковского стали своеобразным катализатором существенно нового разговора о женском характере, о «русской душе». Романтический поэт и «русская душа» Татьяна были обязаны Жуковскому чертами своего нравственного облика, моделью поведения, элементами стиля мышления и говорения.

Черты стиля Жуковского, его мироощущения органично вошли в мир образа автора ЕО. Начало 8-й главы, повествующее о встрече с Музой: «... являться муза стала мне», «... муза в ней открыла пиры младых затей», «Как часто ласковая муза // Мне услаждала путь немой // Волшебством тайного рассказа! // Как часто по скалам Кавказа // Она Ленорой, при луне // Со мной скакала на коне!», – не только вызывает в памяти образ героини одной из баллад Жуковского, неразрывно связанной и своим генезисом и характером со Светланой. Но что существеннее – воскрешает атмосферу знаменитого эстетического манифеста Жуковского «Я музу юную, бывало...», одновременно перекликающегося с пушкинским «Я помню чудное мгновенье».

Показательно, что в этом рассказе о встрече с Музой Пушкин делает пропуск стихов (VIII. 2.5–14), которые

И Д Е А Л. В тексте ЕО это слово употреблено 8 раз (I.57.8; IV.13.10; VI.23.7; VIII.50.2, 51.7; X.15.10; ПО. 8.8, 9.12), причем, как нетрудно заметить, интенсивность его вхождения в текст увеличивается к концу романа.

Еще В.В. Виноградов обратил внимание на «сложную и противоречивую эволюцию употребления слова идеал в поэтическом языке Пушкина», определяя ее направление движением Пушкина к реалистической эстетике [1. С. 47–49]. В последнее время В.Э. Вацура, говоря об истории элегического жанра в первой четверти XIX в., на материале русских переводов шиллеровских «Идеалов» убедительно раскрыл эволюцию понятий «мечта» и «мечтатель» в аспекте их своеобразной реабилитации: от «ясно выраженного пейоративного оттенка» до закрепления «за элегическим субъектом атрибута «мечтательства» [2. С. 77–86].

Всем этим намечалась определенная связь понятий «идеал» и «мечта» в системе русской элегической поэзии, то, что выразил в своем комментарии к роману Ю.М. Лотман: «Слово «идеал» быстро проникало в бытовую любовную лексику. В поэзии еще в 1810-х гг. оно было малоупотребительно. Так, из пяти русских

Пушкин

Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство
(ПО. 25–28).

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих малюпких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней...
(VIII; 14.5–11).

должны были повествовать о роли Жуковского в жизни юного поэта: «И ты глубоко вдохновенный...». Из окончательного текста романа уходит прямая характеристика учителя-друга: «Не ты ль мне руку подавал // И к славе чистой призывал...», но остается поэтическая память о нем, следы его стиля. Поэзия Жуковского растворяется в ткани пушкинского романа. Отзвуки произведений разных жанров, стилистические приметы романтизма, характерные черты нравственно-психологического облика героев – все это обретает новую жизнь в ЕО, и поэзия Жуковского поистине становится героем романа.

«Жизнь и Поэзия одно» – любил повторять Жуковский. Эти слова из элегии «Я Музу юную, бывало...» во многом определили вхождение первого русского романтика в текст пушкинского романа, этот «акт сознания для русского общества». Не образ Жуковского и не реальная личность были важны для автора ЕО. Поэзия Жуковского как «целый период нравственного развития нашего общества» (В.Г. Белинский), как характерная черта мышления и стиля эпохи – вот то, что определяет тему «Жуковский в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Лит.: 1. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. 2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М. – Л., 1937. 3. Пушкин – родоначальник новой русской литературы. М. – Л., 1941. 4. Семенов И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975. 5. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. 6. Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932. 7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983. 8. Болдинские чтения. Горький, 1986.

* * *

переводов стихотворения Шиллера «Die Ideale» на русский язык, которые были осуществлены между 1800 и 1813 г., ни одно не сохранило немецкого названия (два различных перевода Милонова назывались «К юности» и «Спутник жизни», Жуковского – «Мечты», более ранний фрагмент перевода получил название «Отрывок», Шапошникова – «Мечтания») [3. С. 301]. В поэтических текстах, в частности, переводах шиллеровских «Идеалов», слово «мечта» последовательно вытесняет пришедшее из немецкой эстетики понятие «идеал». Если в переводе 1806 г. Жуковский однажды сохранил его: «Где идеал святой, которым я пленялся?», то в позднем переводе 1812 г. исключает его вообще.

Пушкин, впервые употребляя это понятие в тексте ЕО: «Так я, беспечен, воспевал // И деву гор, мой идеал...» (I. 57.8), также в черновом варианте колеблется в выборе слова: «Так я бывало воспевал // Мою мечту, мой идеал» (VI, 256), точнее, дает два понятия как взаимозаменяемые или взаимодополняемые.

Но прежде чем говорить о других случаях употребления слова «идеал» в лексиконе романа, необходимо акцентировать один момент истории русской эстетики,

существенный для понимания пушкинского романа и не привлекавший внимания его комментаторов и исследователей.

Элегическая поэзия 1810-х гг. прошла мимо понятия «идеал», не включив практически его в свой лексикон, но молодая предромантическая эстетика в лице А. Мерзлякова, И. Войцеховича, Л. Якоба и др. в своих трактатах, учебных курсах углубляла теорию подражания на основе учения об идеале. Опираясь на открытия эстетики немецкого идеализма, русские критики развивали «теорию творчества по идеалу» (об этом см.: [4. С. 48–49]). Особое место в этом процессе, как убедительно показали исследователи русской эстетики, например, З.А. Каменский, занимает П.Е. Георгиевский, который поставил проблему идеала в «тесной связи с проблемой отношения искусства и действительности» [4. С. 50–54], а в специальном разделе своего «Введения в эстетику» с красноречивым названием «Об отношении изящного к идеалу» раскрыл различные аспекты идеала в природе и искусстве. Вот характерное его суждение: «Весьма грубо ошибаются те, кои идеал почитают только принадлежащим к искусству и совершенно отказывают природе в идеале. Посмотрите на прекрасное человеческое лицо, коего каждая одушевленная черта, каждый взгляд выражает чувство и мысль. Разве это не идеал?» [4. С. 229].

Глубоко новаторские суждения Георгиевского о сущности и природе идеала тем интереснее, что они хорошо были известны молодому Пушкину. Как убедительно показал Б.С. Мейлах, впервые опубликовавший курс эстетики Георгиевского в записи лицейского однокашника Пушкина А.М. Горчакова [5. С. 162–206], а вслед за ним и З.А. Каменский, перепечатавший и прокомментировавший этот труд [4. С. 398], Пушкин мог прослушать его в Царскосельском лицее в 1816 – начале 1817 г. Поэтому пушкинские суждения о природе идеала и употреблении этого слова в поэтических текстах (см. многочисленные примеры: [1. С. 47–48]) опирались на серьезную эстетическую концепцию П.Е. Георгиевского.

В центре пушкинского употребления слова «идеал» в ЕО знаменитые стихи из 6-й главы:

Склонясь усталой головою,
На модном слове идеал
Тихонько Ленский задремал
(VI. 23. 7).

Важен контекст, в котором это слово возникло. «Поклонник Канта», поэт Ленский накануне дуэли «при свечке, Шиллера открыл» (VI. 20.4). Затем он пишет стихи, которые «на случай сохранились» и, по замечанию комментатора, являются «стихами о стихах» [3. С. 302], но, пожалуй, и стихами по мотивам шиллеровских «Идеалов», вобрав в себя характерные элизмы русских переводов [2. С. 118]. И в этом смысле Ленский «задремал», вероятно, не на своих стихах, а на чтении шиллеровских «Идеалов». Курсивом выделенное это слово отсылает к названию шиллеровского произведения, восходящего своим пафосом к кантовской концепции идеала.

Почему Пушкин называет само слово «идеал» модным? Думается, словосочетание «модное слово» для Пушкина в это время было реминисценцией и касалось споров вокруг романтизма, а точнее вокруг его поэмы «Кавказский пленник». А.Е. Измайлов в статье о пушкинском произведении уже в самом начале делает характерное примечание: «Жаль только, что и здесь встречаются нынешние модные слова и выражения, например: привет, сладострастие, молодая жизнь...» [6. С. 398, курсив мой. А.Я.]. В ответ ему П.А. Вяземский в известной

статье «О Кавказском пленнике, соч. А. Пушкина» язвительно замечал и тоже в примечании: «Противники поэзии романтической у нас устремляют в особенности удары свои на поражение некоторых слов, будто модных, будто новых. Даль, таинственная даль, туманная даль более прочих выражений возбуждает их классическое негодование» [7. С. 116; курсив автора].

Пушкин, внимательно следивший за этой полемикой классиков и романтиков, по-своему отреагировал на «поражение» некоторых «модных слов». Именно его герой, Владимир Ленский, был носителем одного из них. Ср.: «Он пел разлуку и печаль, // И нечто, и туманну даль...» (II. 10. 7–8). Естественным было включение в этот же ряд кантовско-шиллеровского слова «идеал», столь модного для новой русской эстетики, тем более что действие в шестой главе романа и споры о «модных словах» относятся примерно к одному времени – 1821–1822 гг.

Любопытный отзыв в восприятии этого «модного слова» можно найти в 5-й главе первой части поэмы В.С. Филимонова «Дурацкий колпак», создававшейся в 1824 г. Снижая само это понятие, вводя его в бытовой контекст: «Жена – с усастьм Идеалом, // А муж существенный – в рогах...», автор все же подчеркивает его связь с романтизмом и Германией. Ср.: «Беда от Идеалов в мире! // Романтики погубят нас...» и «О, как Германия мила! <...> Она отчизна Идеала, одушевленной красоты, // И эстетической управы, // И Шиллера, и Гете славы, // Она – приволие мечты» [8. С. 150–151; курсив автора].

Для самого Пушкина, ученика Георгиевского, понятие «идеал» было лишено противопоставления мечты и действительности, искусства и жизни. «Оксоморонное соединение слова «идеал» с понятиями земного, реального, а не идеального мира» [3. С. 302] прослеживается прежде всего в характеристиках Татьяны: «А та, с которой образован // Татьяна милый идеал» (VIII. 51. 7); «И ты мой верный идеал...» (VIII. 50. 2); «Нашед мой прежний идеал, // Я, верно б, вас одну избрал...» (IV. 13. 10). Во всех случаях речь идет о верности идеала жизни, о своеобразном приоритете жизненных идеалов. И знаменитая характеристика общественного идеала Николая Тургенева в 10-й главе: «Одну Россию в мире видя, // Лаская в ней свой идеал, // Хромой Тургенев им внимал» (X. 15. 10) вполне отражает этот приоритет.

В этом контексте отношений идеала и жизни во многом эстетически уравниваются воспоминание о раннем творчестве: «и гордой девы идеал» (ПО. 8. 8) и полемическое утверждение новой позиции: «Мой идеал теперь — хозяйка...» (ПО. 9. 12). И дело не в том, что не менялись эстетические и поэтические принципы Пушкина от южных поэм к ЕО. Просто в эстетическом пространстве романа в стихах осмысление понятия «идеал» дано полемически по отношению к романтическому двоемирию, к шиллеровскому представлению об идеальной поэзии.

«Модное слово» становится органической частью поэзии действительности. В одной из программных статей «Мнение Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин утверждает, что «цель художества есть идеал, а не правоучение» [9. С. 100; курсив автора]. Само понятие «идеала» у него тесно связано с новым представлением о человеческой природе, со всесторонним воссозданием поэзии жизни. В «Посвящении» к ЕО, написанном в 1827 г. и предположительно отдельному изданию 4-й и 5-й глав, Пушкин в «собрание пестрых глав» включает «идеальные» главы. В общем контексте перечисления: «полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных» это определение обретает реальную жизненную основу, связанную с новым пониманием поэзии действительности.

Лит.: 1. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941. 2. *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. 3. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983. 4. Русские эстетические трактаты первой трети

XIX века. М., 1974. Т. 1. 5. Красный архив, 1937, № 1 (80). 6. Благонамеренный. 1822. Ч. 19, № 36. 7. Сын Отечества. 1822. Ч. 82, № 49. 8. Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. 9. Современник. СПб., 1836

* * * *

ЛУНА. Среди пейзажных реалий ЕО по степени частотности луна занимает одно из первых мест. 23 случая ее прямого обозначения, 2 раза использование эпитета «лунный» – такова статистика «Словаря языка Пушкина» [1. С.512–513]. По главам эти статистические данные выглядят следующим образом: 4 раза во 2-й главе, 7 раз – в 3-й, 4 раза – в 5-й, 7 раз – в 7-й, 2 раза – в 8-й и 1 раз в ПО.

Лунный свет распространяет свое сияние на всех основных героев романа. Правда, в отношении к Ольге через этот отблеск луны открывается пародийно-иронический подтекст: «Кругла, красна лицом она, // Как эта глупая луна // На этом глупом небосклоне» (III. 5. 11). Как замечено О.Б. Лебедевой, этот портрет героини восходит к характеристике одноименной героини «Липецких вод» А. Шаховского: «Признаться, Оленька здесь прелестью своей // Пленяла, как луна <...> Лицо бело и красно, // И точно херувим на вербе восковой» [2. С.70].

В известной характеристике Ленского:

Он роши полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей
(II. 22. 6–14) –

столь же очевиден момент вибрации смыслов. От высоко-го, романтического, восходящего к манифесту романтической селенологии – «Подробному отчету о луне» В.А. Жуковского (ср.: «Ему луна сквозь темный бор // Лампадой таинственной светит» или «Лишь ярко звездочка одна, // Лампадой гостеприимной // На крае неба зажжена») – до сниженного, тоже восходящего к первому русскому романтику: «И в высоте, фонарь ночной, луна // Висит меж облаков и светит ясно» («Деревенский сторож в полночь»). Показательно, что в черновых вариантах к 8 стиху Пушкин постоянно вращается вокруг определения Жуковского: «небес блестящую лампаду», «небес унылую лампаду», «небес бродящую лампаду» (VI. 286).

Этот же романтизированный облик луны из манифеста Жуковского возникает и в характеристике поэзии Ленского:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных
(II. 10. 1–6).

В зоне автора луна выступает как опосредованная характеристика ситуации и потому несет отблеск романтической традиции. Описывая посещение сестрами Лариньими могилы Ленского, автор замечает: «И на могиле при луне, // Обнявшись, плакали оне» (VII. 7. 7–8), а в уподоблении своей Музы бюргеровой Леноре он в духе опять же романтической баллады констатирует: «Как часто по скалам Кавказа // Она Ленорой, при луне, // Со мной скакала на коне!» (VIII. 4. 6–8). Может быть, единственный раз в ПО, рисуя картину ночной Одессы, поэт дает достаточно объективный лунный пейзаж:

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла

Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит
(ПО. 20. 11).

Но и образ таинственной завесы, восходящей к поэтике Жуковского, и ретроспекция в эпоху Южной ссылки окрашивают пейзаж в тона романтической неги.

Абсолютное же большинство лунных пейзажей связано с главами и эпизодами, раскрывающими душевное состояние пушкинской Татьяны. Во 2-й главе лишь фиксируется ее своеобразный лунатизм:

Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она
(II. 28. 7–14).

А в 3-й главе, кульминационной в судьбе героини, луна сопровождает весь ее путь – от любовного томления и мук любви до создания письма-исповеди: «Тоска любви Татьяну гонит // И в сад идет она грустить <...> Настанет ночь; луна обходит // Дозором дальный свод небес» (III. 16. 1–2, 9–10); «И между тем луна сияла // И томным светом озаряла // Татьяна бледные красы <...> И все дремало в тишине // При вдохновительной луне» (III. 20. 5–7, 13–14); «И сердцем далеко носилась // Татьяна, смотря на луну... // Вдруг мысль в уме ее родилась... <...> И вот она одна. // Все тихо. Светит ей луна» (III. 21. 1–3, 7–8); «Татьяна то вздохнет, то охнет; // Письмо дрожит в ее руке <...> Но вот уж лунного луча // Сиянье гаснет...» (III. 32. 1–2, 8–9; курсив мой. – А.Я.).

Этот своеобразный «интимизм» отношений героини с луной развивается в пятой главе, связанной со знаменитым сном Татьяны: ее вера «предсказаниям лунь» (V. 5. 4), приметам, связанным с луной («...Вдруг увидя // Младой двурогий лик луны // На небе с левой стороны, // Она дрожала и бледнела»; V. 5. 12–14), сравнение с луной («И утренней луны бледней»; V. 30. 2).

В 7-й главе луна сопровождает героиню на ее пути постижения тайны и загадки Онегина. В начале главы, описывая путь Татьяны в имение Онегина, поэт замечает: «... В поле чистом, // Луны при свете серебристом // В свои мечты погружена, // Татьяна долго шла одна» (VII. 15. 5–8). Возникает тот образ внутренней сосредоточенности, который фиксируется переключкой понятий, нередко переходящих в рифму: луна – одна (ср.: III. 21. 7–8; VII. 52. 6–7). «Лунный сумрак» сопровождает ее и в кабинете Онегина (VII. 19.9). Затем, на обратном пути, луна возникает над «пилигримкой молодой» (VII. 20. 6). И, наконец, характеристика московской красавицы Александрины Корсаковой пронизана лунными ассоциациями:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величая луна,
Средь жен и дев блещит одна
(VII. 52. 1–8)

Комментаторы этих строк романа говорят об их переключке и реминисцентности по отношению к поэме С. Боброва «Таврида» [3. С.160] и к повести Н.М. Карамзина «Наталья боярская дочь» [4]. Но в общем контексте этой строфы, тесно связанной с «первым балом» Татьяны и ее одиночеством, ее мечтами об идиллии сельской жизни, рифма «луна – одна» бросает отсвет этой характеристики и на Татьяну.

Рифма «луна – одна» и природное состояние бледной, печальной луны вполне корреспондируют с состоянием героини, которая «дика, печальна, молчалива», «бледней луны». «Темнеющие очи» Татьяны, которые она «не подымает» при взгляде на Онегина в сцене именин (V. 30. 4–5), вновь отзвучивает в 8-й главе: «Бывало девственно грустит, // К луне подымлет томны очи» (VIII. 28. 11–12) как память об Онегине. Образ луны соединит эти два этапа ее биографии.

Селенология пушкинского романа последовательно поэтизирует героиню. Показательно, что стихи 20-й строфы третьей главы: «И все дремало в тишине // При вдохновительной луне», передающие особое волнение героини перед написанием письма Онегину, в первоначальном варианте имели снижающий оттенок: «И все молчало; при луне // Лишь кот мяукал на окне» (VI. С. 579). Впоследствии этот вариант Пушкин трансформирует в «Домике в Коломне: «... А дочка на луну еще смотрела // И слушала мяуканье котов». В лунном же ореоле Татьяны подобное снижение диссонировало с общей атмосферой поэтического образа.

История селенологии в русской литературе пушкинской эпохи знает два равноправных варианта: «Луна» нередко превращается в «месяц». Вероятно, есть все

* * *

О З Е Р О В. Пушкинский роман по сути своей литературоцентричен. Он – в определенной степени летопись литературной жизни 1810–1820-х гг. Особое место, как известно, в этой летописи занимают театральные страницы ЕО. 18-я строфа 1-й главы в этом смысле квинтэссенция театральны увлечений и пристрастий автора. Образ театра – «волшебного края» – оживает через характеристику его виднейших представителей – Фонвизина, Княжнина, Катенина, Шаховского, Дидло, пользовавшихся репертуарной популярностью в эти годы.

Отношение к каждому из них менялось в пушкинском эстетическом сознании, но определения, данные им в этой строфе ЕО, стали принадлежностью времени и во многом выявили репутацию того или иного драматурга в общественном и литературном сознании. Появление в этом ряду имени Владислава Александровича Озерова – знак эпохи. Воссозданное в 1-й главе время – это пик творческой славы драматурга, автора таких популярных трагедий, как «Фингал», «Эдип в Афинах», «Дмитрий Донской», «Полликсена». С другой стороны, трагическая судьба драматурга и его наследие – объект бурных споров в литературной жизни 1810-х гг., в том числе и в «Арзамасе». Пушкинская характеристика Озерова: «Там Озеров невольны дани // Народных слез, рукоплесканий // С молодой Семеновой делил...» (I. 18. 5–7) – выросла из отзвуков этой рецепции творчества и судьбы драматурга.

В черновых вариантах озеровской характеристики Пушкин в большей степени опирался на эту рецепцию. Два определения Озерова: а) «Там Озеров народны дани»; б) «Там нежный Озеров» (VI. С. 259) – вполне соотносятся с литературно-эстетическим восприятием Озерова в те годы.

Одним из источников этих определений могла быть появившаяся в 1817 г. как предисловие к первому тому сочинений Озерова статья П.А. Вяземского «О жизни и сочинениях В.А. Озерова» [1. С. 307–311. Примечания М.И. Гиллельсона]. В тексте статьи неоднократно воз-

основания говорить о жанрово-стилевой дифференциации этих понятий (об этом см.: [5. С. 53–61]).

В пушкинской селенологии «месяц» не уступает «луне», особенно в сказках и прозе [1], но в ЕО луна – царица небосклона. Всего один раз появляется месяц, но и тот вытесняется луной. Ср.:

Татьяна на широкий двор
В открытом плагище выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна ...
(V. 9. 4–8).

Фольклорный месяц отражается в литературном зеркале романа.

В связи с образом луны в ЕО исследователи справедливо говорят об «этическом пространстве» [6. С. 110], которое выявляет типы «подлунного мира» как мира поэзии. Безусловно, в пушкинском романе к этому миру в наибольшей степени причастны Ленский и Татьяна. Но живут в нем по-разному. Первый – как выразитель романтической селенологии, с ее метафорической сущностью; вторая – как поэтическая натура, выросшая из реальной русской жизни. Но, вероятно, именно луна «отграничивает поэзию жизни от житейской прозы» [6. С. 111].

Лит.: 1. Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т.2. 2. Мотивы и сюжеты русской литературы. Томск, 1997. 3. Бродский Н.Л. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932. 4. Пушкин и его современники. М., 1928. Вып. 37. 5. Янушкевич А.С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995. 6. Баяевский В. Сквозь магический кристалл. М., 1990

никает само слово «дань», и связано оно с «заслугами Озерова, как преобразователя русской трагедии» [1. С. 14]. По мнению Вяземского, «Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, благотворителей современникам, служащих образцом для потомства»; «...трагедия, кроме ее драматического достоинства, согрета какою-то поэтической любовью к отечеству, которая отражается с живостью и силою в русских сердцах»; «...после событий 1812 года, которые некоторым образом предсказаны во многих стихах «Дмитрия», еще более становится на нашем театре народною трагедиею» [1. С. 29, 31]. В контексте всей статьи возникает чувство народного признания к трагедиям Озерова и к самому драматургу, прежде всего, как автору «Дмитрия Донского». Эта репутация была достаточно устойчивой, и Пушкин, который вряд ли присутствовал на премьерных спектаклях и был очевидцем триумфа трагедии Озерова, безусловно, чувствовал отзвуки этого триумфа на виденных им постановках трагедии в 1817–1820-х гг. [2]. Поэтому черновой вариант «народны дани» воссоздает традицию восприятия трагедий Озерова, эстетически закреплённую в статье Вяземского, с которой Пушкин был хорошо знаком.

Образ «нежного Озерова», возникший в черновом варианте, также определенная дань традиции. Многочисленные обозначения «нежного сердца» Озерова, павшего от интриг завистников, были своеобразным литературным клише, хотя и опирались на реальные факты трагической судьбы драматурга, сошедшего с ума в 1810 г. В послании Жуковского «К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину» (1814) образ чувствительного поэта, погибшего от зависти и вероломства, неразрывно связан с мотивом «простого сердца», «нежных перст». Образы этого стихотворения найдут свой отклик в послании Пушкина «К

Жуковскому» (Благослови, поэт.; 1816), где возникает тема трагической судьбы Озерова: «Беда, кто в свет рожден с чувствительной душой! // Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой...»

В своей статье об Озере Вяземский неоднократно говорит о его «добром и нежном сердце», о «нежной и благородной душе» [1. С. 15, 31]. Наконец, нельзя не вспомнить написанную еще в 1807 г. и посвященную В.А. Озерову басню К.Н. Батошкова «Пастух и соловей», где звучат слова, прямо обращенные к адресату: «Пой, нежный соловей».

Все это позволяет говорить о черновых вариантах характеристики Озерова как о традиционных, опирающихся на сложившуюся уже репутацию и легенду. Вероятнее всего, они еще не переосмыслены в «Городке», где Озеров стоит на книжной полке рядом с Расином, и в послании «К Жуковскому».

В эпоху написания первой главы ЕО пушкинское понимание Озерова становится более трезвым. В воспоминаниях Вяземского об этом говорится так: «Пушкин Озерова не любил, и он часто бывал источником наших живых и горячих споров...» [1. С. 39]. Как известно, критические суждения Пушкина по поводу статьи Вяземского отражены на полях первого ее издания после переиздания в 1828 г. «Слава Озерова уже вянет, а лет через 10, при появлении истинной критики, совсем исчезнет», – констатировал Пушкин [3. Т. XII. С. 242].

Работая над строфой, посвященной театру и Озерову в сентябре 1824 г., Пушкин еще колебался в оценке драматурга и его наследия. Слова: «Невольны дани народных слез, рукоплесканий» несут следы этих колебаний. С одной стороны, образ «народной дани» еще отзывается в этой характеристике, но эпитет «невольный» снижает ее смысл. Среди определений этого эпитета, зафиксированных «Словарем языка Пушкина», отражает суть этой

УНЫНИЕ. В ЕО понятие «уныние» и связанный с ним эпитет «унылый» употребляются достаточно часто и рассредоточены практически во всех главах. Нетрудно заметить, что они существуют как бы в двух своих значениях – психологическом и эстетическом.

В первом они являются средством характеристики пушкинских героев, передавая их состояние. Ср.: о Татьяне – «В уныние погружена, // Гостей не слушает она // И проклинает их досуги, // Их неожиданный приезд // И продолжительный присест» (Ш. 8. 10–14); «И вспомнил он Татьяны милой // И бледный цвет, и вид унылый» (IV. 11. 5–6); об Онегине – «В деревне, где Евгений мой, // Отшельник праздный и унылый [в черн.: «чудак унылый»], // Еще недавно жил зимой» (VII. 5. 8–10); о Ленском – «Роof Yorick! – молвил он уныло, – // Он на руках меня держал, // Как часто в детстве я играл // Его Очаковской медалью!» (II. 37. 6–9); «И вновь задумчивый, унылый // Пред милой Ольгою своей, // Владимир не имеет силы // Вчерашний день напомнить ей» (VI. 17. 1–4); «Мой бедный Ленский! За могилой // В пределах вечности глухой // Смутился ли, певец унылый [в черн.: «твой дух унылый»], // Измены вестью роковой» (VII. 11. 1–4). Состояние уныния объединяет трех героев, но на характеристику других персонажей романа это понятие не распространяется. Психологическое состояние уныния в лексиконе романа передает и глубину страдания (по отношению к героине), и чувство хандры, разочарования («Иль взор унылый не найдет // Знакомых лиц на сцене скучной» – I. 19. 8–9), и общественную репутацию, связанную с обликом странного человека (по отношению к Онегину).

Не случайно это состояние как выражение определенной общественно-эстетической сущности сопровождает жизнь и посмертную судьбу Ленского. В его харак-

теристике следующее: «совершаемый не по своей воле, вынужденный» [4. С. 772]. Более сложный его смысл открывается при выявлении его реминисцентного характера по отношению к статье Вяземского.

Говоря о соперничестве героев трагедии «Димитрий Донской», Вяземский замечает: «Самый соперник Димитрия не исторгает ли *невольную дань* уважения, отказываясь от руки Ксении, и не должен ли признаться каждый зритель вместе с Димитрием, что он превзошел его?» [1. С. 30; курсив мой. – А.Я.]. Многочисленными вопросами Вяземский словно сомневается в этой «невольной дани», что и почувствовал Пушкин, используя это определение для обозначения успеха драматурга.

В оценке Озерова далеко не случайно появляется имя актрисы Екатерины Семеновы. Тот же Вяземский в своей статье замечал: «... мы должны благодарить Озерова за Семенову <...> Семенова поняла поэта и оживотворила идеалы его воображения» [1. С. 35]. В статье «Мои замечания о русском театре» (1820) Пушкин был более категоричен: «Она [Семенова] украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины» [3. Т. XI. С.12]. Высоко оценивая «гений актрисы», считая ее «царицею трагической сцены», Пушкин именно с ней в первую очередь связывал «дань народных слез, рукоплесканий». Не она делила ее с Озеровым, а наоборот, он делил «невольную дань» с актрисой. Дальнейшая история отношения Пушкина к творчеству Озерова показывает неслучайность такой оценки. Спор Вяземского и Пушкина вокруг наследия Озерова был логическим итогом этого отношения.

Лит.: 1. Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 1. 2. Летопись жизни и творчества Пушкина. Указатель имен. М., 1951. 3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.-Л., 1937. 4. Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 2.

теристике уныние приобретает статус «идеи времени». «Бедный Ленский», «поэт унылый» – это сочетание вполне корреспондирует со стихотворением Жуковского «Певец», где рефреном проходящие слова «бедный певец» тесно связаны с образом ранней, безвременной смерти, могилы, праха, прощальной песни, лиры и сопровождаются образами: «минутный странник», «печальный глас», «обманутая душа», «горестное сердце», «вянущий венец». Включение в этот миробраз эпитетов, связанных с состоянием уныния: «миг унылый», «лира вторит им уныло», вполне определяет тип так называемой «унылой элегии» как «формы времени».

История русской элегии, как показали ее исследователи (Л.Г. Фризман, В.Э. Вацуро), тесно связана со спорами вокруг ее миробраза. По природе своей «песня грустного содержания», выражающая «жалобы человека на жизнь» (В.Г. Белинский), элегия не могла пройти мимо состояния уныния. Сами названия элегий 1810-х гг. («Уныние» М. Милонова и «Уныние» П. Вяземского) обретали характер некоего эстетического знака. Стих «И чистую любовь к изящному и благу» из элегии Вяземского Пушкин на правах реминисценции включил в характеристику Ленского: «Ко благу чистая любовь» (II. 9. 2 – см.: [1. С. 188]). О самой элегии Вяземского он писал так: «Покаместь присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны – *Первый снег* прелесть; *Уныние* – прелестнее» (Пс. 13. 19).

Отношение Пушкина к «унылой элегии» не было однозначным. Он мог говорить об «унылом вдохновении элегии» (Ж 2. 93. 18) и «душегрейке новейшего уныния» (Ж 1. 151. 4) с иронией, критиковать мнение французских критиков, относящих к романтизму «все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтатель-

ности» (Ж 2. 179. 12). Выпад Кюхельбекера против новейшей поэзии, в т.ч. против элегии, где «чувство уныния поглотило все прочее» (Мнемозина. 1824. Ч. 2. С. 36), был воспринят им далеко не однозначно.

Образ «унылых наших рифмачей» (IV. 33. 8), связанный с характеристикой элегии, как и определение современного романтизма: «Лорд Байрон прихотью удачной // Облек в унылый романтизм // И безнадежный эгоизм» (III. 12. 13), в ЕО являются отзвуками споров об элегии и чувстве уныния в ней. Разумеется, «элегические куку» (С 2. 282. 10) из стихотворения «Соловей и кукушка» (1825) тоже были частью этих отзвуков. Эти характеристики, относящиеся к 1824–1825 гг., внесли дополнительную окраску эстетического характера как в образ Ленского, так и в оценку его творчества.

И все-таки, думается, само понятие «уныние» и связанное с ним определение не имеют в общем контексте пушкинского романа выраженного пейоративного смысла. Во многом они включены в текст как «чужое слово». Уже после «унылых наших рифмачей» и заключенных в кавычки слов: «Но все в элегии ничтожно; // Пустая цель ее жалка;

// Меж тем цель оды высока // И благородна...» (IV. 33. 9–12), восходящих к позиции Кюхельбекера, возникает столь важное для пушкинской позиции суждение: «...Тут бы можно // Поспорить нам...» (IV. 33. 12–13). В контексте чужого слова возникает и характеристика Онегина как «отшельника праздного и унылого». А определение из черного варианта: «чудак унылый» выходит на поверхность в седьмой главе через вереницу светских вопросов: «Но кто в толпе избранной // Стоит безмолвный и туманный?» (VII. 7. 5–6), «Все тот же ль он, иль усмирился? // Иль корчит такое чудачка?» (VII. 8. 1–2). И далее: «Предметом став суждений блуждающих // Несносно (согласитесь в том) // Между людей благородных // Прослыть притворным чудачком...» (VII. 12. 1–4). Образ «туманного», «притворного чудачка» в ореоле других определений по законам снежного кома разворачивается в направлении уже возникшей характеристики «отшельника праздного и унылого».

Уныние как мирообраз эпохи и знаковая принадлежность «унылой элегии» получает в романе не столько оценку, сколько осмысление.

Статья поступила в научную редакцию 22 апреля 1999 г.

УДК 82.08:159.9

О.В. Седельникова

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЧВЕННИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РАННЕГО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.

Рассматривается вопрос о формировании основ почвенничества Ф.М. Достоевского в 40-е гг. в контексте проблематики общественной жизни того времени. Исходным материалом исследования являются художественные произведения писателя: «Бедные люди», «Петербургская летопись», «Хозяйка», материалы следствия по делу петрашевцев, воспоминания С.Д. Яновского и А.П. Миллюкова и документы, характеризующие общественную позицию участников кружка Майковых, оказавшего серьезное влияние на молодого Достоевского. Анализ этих материалов позволяет с полной уверенностью говорить о том, что уже в 40-е гг. общественная позиция писателя лишена крайностей западничества и славянофильства. Он вырабатывает свою диалектическую позицию, объединившую идею возврата к исконным традициям русского национального бытия и гуманистическое наследие европейской культуры.

О мировоззрении Достоевского написано немало. За более чем столетний период изучения его наследия все тщательно исследовано, описано и проанализировано. Однако некоторые вопросы требуют уточнений, и в том числе широко распространенное мнение о том, что концепция почвенничества, в значительной мере определившая своеобразие мировоззрения зрелого Достоевского, сформировалась в результате нравственно-этического потрясения, пережитого им на каторге и в ссылке. Этот важный этап жизни писателя принято считать гранью между двумя, совершенно противоположными по сути исканий, периодами его жизни: политическим радикализмом и идеями революционного преобразования русской жизни в 40-е гг. и зрелым консерватизмом.

В годы после объявления приговора, на каторге и в ссылке, в мировоззрении Достоевского произошли важные изменения, но случилось это не вдруг. Идеи, положившие основу почвенничества, укрепляются этой эпохе учения и становления: каторга и ссылка не переломили Достоевского, а лишь углубили идеи и убеждения, жившие в нем с детства, дали широкое и глубокое знание народа, национальных типов, способствовали постижению сути русской души и уяснению своеобразия национального бытия, как писал об этом сам писатель.

Усиление демократических тенденций и антикрепостнических настроений были важнейшим направлением развития русской общественной жизни 40-х гг. XIX в. Этому способствовали разные факты: от обострения социально-политических противоречий российской жизни до революционных событий в Европе. По словам А.И. Герцена, «с 1842 г. главным занятием мыслящих русских было обдумывание способа раскрепощения крестьян. Все другие задачи

зависели от этого» [1. Т. 12. С. 78]. Это обусловило пристальное внимание русской интеллигенции к новейшим западным социально-утопическим теориям, остро ставившим проблему социального неравенства и к тому же рисуящим фантастический, но такой манящий идеал будущей жизни без зла и страданий, в гармонии и братской любви.

Достоевский, еще в юности впитавший социалистические идеалы (как он сам их определял) Жорж Санд [2. Т. 23. С. 34, 37] и реализовавший свой демократизм и любовь к людям в романе «Бедные люди», с готовностью и восторгом вял горячей проповеди Белинского. Я страстно принял тогда все учение его» [2. Т. 21. С. 12], писал он позднее. Действительно, молодой писатель, как и многие тогда, был увлечен этими идеями. Познакомившись с В.Н. Майковым и братьями Бекетовыми, он участвует в организованной ими «бытовой ассоциации» с общей кассой и библиотекой [2. Т. 18. С. 311; 2. Т. 28(1). С. 134; 3; 4. С. 411]. Однако характер интереса молодого Достоевского к утопическим доктринам требует уточнения, поскольку их широкая популярность среди молодого поколения была знаком времени, и этот факт сам по себе еще не свидетельствует о радикализме взглядов писателя.

А.П. Миллюков, приятель Достоевского по кружку Дурова и далее, в 60-е гг., особо подчеркивает в своих мемуарах, что внимание к общественно-политическим проблемам современности было закономерным следствием противоречивых процессов общественной жизни, шедших в России и за ее пределами, осознанием глубокого кризиса российской государственности. В то время как по Европе прокатилась волна восстаний и революций, росли и множились либеральные идеи и социальные программы, в России с каждым днем усиливалась реакция, вводились